

Л. А. Мей

Гривенник

Неправдоподобное событие

Проза русских поэтов XIX века. Сост., подготовка текста и примеч. А. Л. Осовата.
М., "Советская Россия", 1982

[OCR Бычков М. Н.](#)

Спиридон Петрович Богословский шел поутру в присутствие. Была Страстная неделя; теплая погода, безоблачное небо, шумные потоки грязной воды по обеим сторонам улицы, веселое чириканье воробьев -- все показывало, что скоро тронется лед на Москве-реке и что природа готовится встретить, как следует, красавицу-весну. Но Спиридон Петрович шел задумавшись и, кажется, был не слишком доволен приготовлениями природы.

"Экая грязь!-- думал он.-- По снежку кой-где еще можно пробраться, а чтобы улицу перейти, не забрызгавшись,-- и не думай! Богатым все ничего: сел в карету на лежачих да и ступай себе куда знаешь! А вот как тут четыреста пятьдесят ассигнациями годового оклада да экономии -- нулю нуль -- нуль, так и подумаешь -- куда деньги девать: не то извозчика за пятак нанять, не то пять фунтов хлеба купить. Не знаю, ей-богу, как еще господь грехам терпит. Конечно, я веду себя аккуратно, вина не пью, в карты не играю, табаку не курю, чай пью только у знакомых, а дома, забывшись, и кваску хлебнешь... да все-таки вот на мне и вицмундир, и шинель, и калоши... все ведь это денег стоило... Рублей двести -- побольше на все пошло. А как я сколотил двести рублей? Уж что-то и не помню... Никак награждение дали к Новому году... Нет! это было прошлого года, и я сшил себе сюртук, а вицмундир у меня года с три... Вот нашему брату платье беречь и нужно".

-- Да! убережешь! -- вскрикнул он отчаянно.

Промчавшаяся мимо пролетка забрызгала его с ног до головы.

"Экое наказание! -- подумал Спиридон Петрович, глядя вослед за пролеткой и отряхая с шинели грязь.-- Куда ни пойдешь, везде попадетя этот Иван Михайлыч, а попался -- так и жди себе какой-нибудь неприятности! Правда говорится: кому какое счастье. Как вспомнишь, что с Иваном Михайлычем в одном селе в бабки играли, да отец-то его был пономарем, а мой покойник батюшка -- дьяконом, так и смешно станет и досадно. Ванюшку-то, бывало, все мальчишки за волосенки таскали, а теперь пошел Ванюшка в гору и Иваном Михайлычем стал, и рукой его не достанешь. Вишь какая пролетка, и бекеш с бобром! А с чего разбогател? С неправды. Говорят -- ехал купец с денежками да на ухабе и обронил, а Иван Михайлыч, не будь глуп, мешочек-то и подтибрил, знает то, что купец банкрот и объявить не смеет. Ведь вот с чего жить пошел! А забыл, что неправожитое прахом пойдет. И почему бы ему не объявить тогда полиции? Дали бы третью часть капитала, и то -- слава богу! И на совести бы греха не лежало. Вот найди я... хоть десять рублей -- и то объявлю, право, объявлю... Что ж? Может, кто-нибудь беднее меня потерял... Если четвертак какой-нибудь под ноги попадетя, это другое дело: тут и объявлять нечего, а десять рублей -- деньги! Да нет, честный человек скорей свои деньги потеряет, не то что чужие найдет. А недурно бы найти этак тыщонку -- другую".

Тут Спиридон Петрович невольно взглянул вниз и остановился...

У его ног, на тротуаре, лежал новенький, светленький гривенник.

Спиридон Петрович поспешно нагнулся, поднял гривенник, положил его в карман и посмотрел вокруг себя: ни впереди, ни сзади не было ни души, и Спиридон Петрович мог считать себя законным владельцем находки.

"Вот голубчик, кстати подкатился! -- подумал Спиридон Петрович.-- Я только что раскидываю умом, как бы деньжонок найти, а ты и тут как тут! Это хорошо. Это очень хороший знак! Сегодня же понедельник -- так бы и начать с легкой руки неделю: сегодня найти гривенник, завтра -- двугривенный, а там два, а там четыре... Господи! что это? никак я до присутствия дошел? Иной раз идешь-идешь... и нынче -- смотри, пожалуй! Чуть было не пролонгировал".

В присутствии еще никого не было. Спиридон Петрович прошелся раза два по комнате, потом сел на свое место, вынул из кармана гривенник, оглядел его со всех сторон и положил на стол.

"Ты должен принести мне счастье! -- думал Спиридон Петрович, глядя на гривенник.-- Я вижу, что ты счастливый гривенник, и ни за что тебя не истрочу. В самом деле, какая странность! Мне тридцать пять лет -- в гривеннике тридцать пять копеек, и год чеканки кончается на пять; меня зовут Спиридоном Петровичем Богословским, и на печати у меня вырезано С. П. Б... на гривеннике -- тоже С.